

Содержание

<i>Р.И. Беккин</i> От составителя	7
<i>Л.И. Алмазова, А.М. Ахунов</i> В поисках «традиционного ислама» в Татарстане: между национальным проектом и универсалистскими теориями	15
<i>Д.А. Шагабиев</i> Понятие «люди Сунны и согласия общины» («ахл ас-сунна ва-л-джама'а») и Грозненская фетва . . .	69
<i>Р.И. Беккин</i> Обновленческое движение в современном российском исламе	112
<i>Р.Р. Сафиуллина-Ибрагимова</i> Суфизм в Татарстане: возрождение традиции, экспорт или экспансия?	152
<i>З.Р. Хабибуллина</i> «Традиционный ислам» в дискурсе религиозных объединений, национальных организаций и государственных структур Республики Башкортостан	206
<i>Э.С. Муратова</i> Дискурс «традиционного ислама» в постсоветском Крыму	241
Глоссарий	273
Указатель имен	277
Информация об авторах	278

Р. И. Беккин

От составителя

В наши дни в общественных и гуманитарных науках такой жанр научного творчества, как коллективная монография, пользуется не меньшим уважением со стороны читателей и профессионального сообщества, чем книги, написанные одним автором.

Из очевидных и хорошо известных преимуществ этого жанра — возможность привлечь исследователей, специализирующихся на изучении отдельных аспектов рассматриваемой в монографии проблемы. Но у такого рода книг есть и недостаток, который в некоторых случаях может перекрыть все достоинства проведенной редакторами работы — неоднородность в методах и подходах авторов, участвующих в подготовке коллективного издания. Задача составителя существенно упрощается, если все авторы или, по крайней мере, большинство их принадлежит к одной научной традиции. Совсем иное дело, если перед нами результат коллективного творчества авторов, воспитанных в разных академических культурах и получивших разное образование. Именно такой является книга, которую читатель держит в руках.

Как показал опыт работы над монографией, сотрудничество авторов, представляющих различные академические традиции, может дать положительный эффект не только в масштабах всей книги в целом, но и в рамках одной главы. Приведу в качестве примера главу «В поисках „традиционного ислама“ в Татарстане: между национальным проектом и универсалистскими теориями», подготовленную казанскими исламоведом

Лейлой Алмазовой и Азатом Ахуновым. Несмотря на то что авторы являются выпускниками одного и того же университета, они принадлежат к разным академическим традициям. Ахунова можно назвать классическим российским востоковедом, в то время как его соавтор активно использует в своей работе социологические методы и хорошо знакома с западной традицией изучения ислама.

Другим важным моментом, который следует выделить, является то, что авторы монографии — разные люди с точки зрения их вовлеченности в рассматриваемую в книге проблематику. Среди них есть как профессиональные исследователи, так и те, кого они изучают, — активные участники исламского дискурса в России. Например, Дамир Шагавиев, один из наиболее оригинальных исламских богословов в современной России, подготовил текст, который по форме представляет собой академическую статью, но вместе с тем содержит и элементы богословского анализа.

Хочется верить, что существующие различия между авторами книги сослужат книге добрую службу и расширят ее читательскую аудиторию.

Монографию открывает глава Азата Ахунова и Лейлы Алмазовой «В поисках „традиционного ислама“ в Татарстане: между национальным проектом и универсалистскими теориями». В ней содержится всесторонний анализ понятия «традиционный ислам». При изучении вопроса о происхождении концепции традиционного ислама авторы обращаются к истории богословской мысли в Волго-Уральском регионе. Рассматривая этимологию арабского слова «таклид» в контексте татарского богословского дискурса XIX — начала XX века, авторы приходят к выводу, что широко распространенное в наши дни понятие «традиционный ислам» или аналогичные ему понятия не были знакомы мусульманским богословам дореволюционной России.

Одним из достоинств главы «В поисках „традиционного ислама“ в Татарстане: между национальным проектом и универсалистскими теориями» является то, что ее авторы использовали не только русскоязычные источники, но и тексты и устные выступления на татарском языке, малодоступные читателю за пределами Республики Татарстан. Кроме того, в работе содержится подробный историографический очерк литературы, посвященной проблеме традиционного ислама. Ахунов и Алмазова прослеживают эволюцию понятия «традиционный ислам» в последние десятилетия. Как отмечают авторы, понимание традиционного ислама, при всей многочисленности его трактовок в Татарстане, существенно отличается от «того „традиционного ислама“, который появляется во втором десятилетии XXI века».

При анализе дискурса о традиционном исламе в современной России невозможно обойти вниманием дискуссию, вызванную принятием так называемой Грозненской фетвы. В главе «Понятие „люди Сунны и согласия общины“ („ахл ас-сунна ва-л-джама‘а“) и Грозненская фетва», подготовленной исламоведом и исламским богословом из Казани Дамиром Шагавиевым, дан подробный анализ конференции в Грозном и вынесенных в ходе ее работы богословско-правовых решений. Состоявшаяся в августе 2016 г. в столице Чечни — Грозном — богословская конференция «Кто они, Ахлус-Сунна валь-Джама‘а?» вызвала полемику в мусульманской среде России. В федеральных и региональных СМИ (не только исламских) появились материалы, в которых по-разному интерпретировался итоговый документ конференции — декларация, фигурировавшая под названием «Грозненской фетвы».

Шагавиев ставит знак равенства между понятиями «традиционный ислам» и «суннитский ислам». По мнению исследователя, Грозненская конференция 2016 г. способствовала именно такой интерпретации понятия «традиционный ислам» в России через конкретизацию

термина «ахл ас-сунна ва-л-джама'а» (люди Сунны и согласия).

Шагавиев указывает на существующие различия между двумя версиями Итоговой декларации конференции на арабском и русском языках, а также между ними и текстом на русском языке, который и был впоследствии растиражирован большинством СМИ под названием Грозненской фетвы (полное наименование документа: «О неотъемлемых признаках отличия истинного Ислама от заблуждений»). Таким образом, в главе проблема рассматривается как минимум в двух проекциях. С одной стороны, автор анализирует содержание Грозненской декларации (фетвы). С другой, исследовательский интерес автора сконцентрирован на реакции, которую вызвала фетва со стороны мусульманских богословов, общественных деятелей и журналистов как в арабском мире, так и в России.

Во всех текстах, представленных в книге, отмечается, что концепция традиционного ислама является искусственным конструктом, продвигаемым государством для обозначения сформировавшейся в современной России модели государственно-конфессиональных отношений. Одним из ее признаков является демонстрация со стороны религиозных организаций и отдельных верующих лояльного отношения к политическому режиму в стране. Те же организации и верующие, которые выступают с критикой внутренней и внешней политики государства, могут быть отнесены властями и официальными религиозными организациями (муфтиятами) к представителям так называемого нетрадиционного ислама.

Соперничество между муфтиятами приводит к тому, что декларация о принадлежности к лагерю последователей традиционного ислама уже не может служить конкурентным преимуществом в борьбе за получение ресурсов от государства. Это обстоятельство, по мнению, изложенному мною в главе «Обновленческое движение

в современном российском исламе», послужило причиной поиска мусульманскими религиозными деятелями идеологии — привлекательной как для государства, так и для значительной части верующих. Одной из таких идеологий является так называемое обновленчество, которое пропагандируют несколько религиозных деятелей, занимавших или продолжающих занимать ответственные посты в российских муфтиятах. «Административное положение обновленцев в качестве чиновников в мусульманских религиозных организациях, — говорится в главе, — влияет на то, что их тексты становятся частью официального дискурса». Автор также отмечает, что «обновленческое движение в современном российском исламе, судя по имеющимся данным, не было инспирировано государством, однако потенциал обновленцев может быть со временем востребован со стороны определенных чиновников, ответственных за формирование и проведение государственной конфессиональной политики в Российской Федерации».

Глава «Суфизм в Татарстане: возрождение традиции, экспорт или экспансия?», подготовленная казанским религиоведом Резедой Сафиуллиной-Ибрагимовой, продолжает тему, поднятую Дамиром Шагавиевым. Но если последний обсуждает роль и место суфийского наследия в современной России на уровне богословско-правовых дискуссий, то в тексте Сафиуллиной-Ибрагимовой анализируются религиозные практики представителей различных суфийских братств, действующих в Татарстане. Главный исследовательский вопрос, который ставит автор: какое место занимает суфизм в исламском дискурсе в современном Татарстане? Привлекая широкий круг источников на русском, татарском и других языках, Сафиуллина-Ибрагимова анализирует значение богатого суфийского наследия как инструмента сохранения национально-этнической и религиозной идентичности татар, проживающих в Волго-Уральском регионе. Выводы, к которым приходит автор, говорят

о том, что суфизм в регионе играет маргинальную роль и не может служить основой для формирования концепции традиционного ислама. Критически осмысливая эту концепцию, Сафиуллина-Ибрагимова отмечает, что и сами последователи суфийских братств в Поволжье не стремятся воспользоваться благоприятной конъюнктурой и занять доминирующие позиции в системе официальных мусульманских организаций. Так, муфтий Духовного управления мусульман Республики Татарстан Камиль Самигуллин, будучи представителем суфийского *джама'ата* «Исмаил-ага», не афиширует свою принадлежность к суфизму.

Тема исламского мистицизма затрагивается и в других главах. Так, в главе «„Традиционный ислам“ в дискурсе религиозных объединений, национальных организаций и государственных структур Республики Башкортостан», подготовленной этнографом из Уфы Зилей Хабибуллиной, рассматривается неосуфийский *тарикат* Хакканийя. Автор анализирует роль этого *тариката* в формировании идентичности башкир в современном Башкортостане. Одним из наиболее эффективных инструментов формирования данной идентичности, по мнению Хабибуллиной, выступает активная деятельность *тариката* Хакканийя «по созданию новых мест поклонения, сопровождаемая процессами сакрализации и мифотворчества». Изучение практик, связанных с паломничеством, созданием и функционированием святых мест, как считает Хабибуллина, позволит лучше понять феномен традиционного ислама в Башкирии: «В мусульманском сообществе Башкортостана практически отсутствует официальная дискуссия относительно „традиционного ислама“. В большей степени данная проблематика прослеживается на этнографическом материале. Вопрос о традиционном исламе ярко проявляется, когда речь заходит об отношении мусульманской уммы Башкортостана к местным святым местам и связанным с ними обрядам».

Тенденция ставить знак равенства между понятиями «традиционный» и «законный» получила развитие и в других регионах, в частности в Крыму. Этой проблеме посвящен текст политолога из Симферополя Эльмиры Муратовой.

Концепция традиционного ислама оказалась востребованной в современном Крыму для борьбы с не контролируемой государством религиозной активностью мусульман. Вместе с тем, как отмечается в главе «Дискурс „традиционного ислама“ в постсоветском Крыму», несмотря на введение в официальный исламский дискурс понятия «традиционный ислам», оно не стало частью доктрины действующих на территории Крыма муфтиятов — Духовного управления мусульман Крыма и Севастополя (ДУМК) и Центрального духовного управления мусульман — Таврического муфтията (до 2014 г. — Духовного центра мусульман Крыма (ДЦМК)). Более того, в двух указанных структурах по-разному интерпретируют понятие «традиционный ислам»: «несмотря на определенную схожесть дискурса „традиционного ислама“ у сторонников ДУМК и ДЦМК, а именно их апелляцию к традиции и наследию предков, можно отметить несколько существенных отличий. Первое — это значительное влияние суфизма на идеологию ДЦМК, что объясняет, почему эта организация делает акцент на возрождении именно суфийских практик, ранее распространенных в Крыму. Возврат к этим практикам, к концу XX в. более не имевшим большого числа приверженцев в среде крымских татар, представляется попыткой искусственной ретрадиционализации и архаизации их религиозной жизни. На фоне этих попыток ДУМК выступает организацией, продвигающей более „современный“ проект ислама, который призван соединить религиозность крымских татар с их светским образом жизни».

На примере двух крымских муфтиятов мы видим тенденцию, похожую на ту, которая описана в главе

«Обновленческое движение в современном российском исламе»: модернистские и традиционалистские концепции, сопровождаемые декларациями о лояльности политическому режиму в России, выступают в качестве инструментов борьбы за лидерство среди мусульманских религиозных организаций.

Чью сторону в этом противостоянии примет верховный арбитр — государство, зависит от целого ряда факторов. Но это тема отдельного исследования, которое, хочется верить, также увидит свет на русском языке в серии «*Studia Religiosa*» издательства «Новое литературное обозрение».

В апреле 2020 г. в Сараеве (Босния и Герцеговина) вышла из печати книга «*The Concept of Traditional Islam in Modern Islamic Discourse in Russia*»¹. Эта работа вызвала интерес у англоязычного читателя, и потому возникла идея осуществить ее русское издание.

Вместе с тем было бы несправедливо говорить о настоящей монографии лишь как о русской версии «*The Concept of Traditional Islam in Modern Islamic Discourse in Russia*». Книга, которую читатель держит в руках, структурно отличается от английского издания: исключены главы, которые либо посвящены общим проблемам, либо касались частных вопросов. В оставшиеся тексты внесены необходимые обновления, изменения и дополнения. Акцент в русском издании сделан на восприятии концепции традиционного ислама в среде тюрок-мусульман, а также на формах ее применения в различных регионах России. Это нашло отражение и в названии предлагаемой читателю книги.

1. *The Concept of Traditional Islam in Modern Islamic Discourse in Russia* / Ed. R. Bekkin. Sarajevo: Center for Advanced Studies, 2020.